

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ**

ПУСТЬ СМЕРТЬ МЕНЯ ПОЛЮБИТ

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р39

Ruth Rendell
MAKE DEATH LOVE ME

Copyright © 1986 by Ruth Rendell

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Ренделл, Рут.

Р39 Пусть смерть меня полюбит / Рут Ренделл ;
[пер. с англ. М. В. Смирновой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-699-90411-2

Городок, в котором живет Алан Грумбридж, – глухое сонное местечко, а сам Алан – ничем не примечательный служащий банка. Его жизнь ни капли не похожа на ту, что он некогда представлял себе, читая запоем романтические и героические книги. Так бы и жить ему тихо и мирно, коротая свой век без встрясок и треволнений. Но все изменилось в один миг, когда среди бела дня в отделение банка, где он работал, вломилась грабители, захватили те деньги, которые смогли отыскать, и скрылись. Другая же часть денег осталась в сейфе, ключи от которого были у Алана. И тут Грумбридж понял: вот он, шанс, изменить свою осточертевшую жизнь...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Смирнова М. В., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90411-2

Дэвиду Блэссу с любовью

При написании этого романа мне понадобилась помощь по некоторым аспектам банковского дела и огнестрельного оружия. Мне очень повезло — Джон Эшард смог просветить меня по обоим вопросам. Я чрезвычайно ему признательна.

P.P.

1

На столе перед ним лежали три тысячи фунтов. Они были разложены на тридцать пачек, в большинстве своем были пятифунтовые банкноты. Он вынул их из сейфа, когда Джойс ушла на обед, и разложил, чтобы полюбоваться ими, как любовался в последнее время почти каждый день. В сейфе лежало вдвое больше, но он никогда не вынимал более трех тысяч, потому что подсчитал, что три тысячи фунтов — как раз та сумма, которая способна купить ему свободу на один год.

С неким возбуждением, от которого перехватывало дыхание — он полагал, что большинство людей испытывает такое возбуждение при мысли о сексе, хотя никогда не ощущал этого сам, — он смотрел на деньги, переворачивал пачки, прикасался к ним. Сначала прикасался осторожно, потом твердо и властно, как будто они принадлежали ему, как будто денег у него намного больше. Он положил по две пачки в каждый брючный карман и начал расхаживать по маленькому кабинету. Затем достал свой бумажник, где лежали два фунта, вложил в него сорок и снова застегнул, оценив, насколько толще теперь стал бумажник. После этого

отсчитал тридцать пять фунтов в чью-то воображаемую ладонь и произнес: «Тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять», глядя в глаза выдуманному визави. На этом моменте он ощутил, как лицо заливают румянец, и понял, что зашел чересчур далеко в своих фантазиях.

Он вовсе не намеревался красть эти деньги. Если три тысячи фунтов пропадут из маленького отделения, где находились только дежурный банковский служащий (вежливо именуемый менеджером) и девушка-кассир, и девушка окажется на месте, а менеджер — нет, то банку «Энглиан-Виктория» не потребуются долго вычислять преступника. Верность банку не удержала бы его от кражи, но удерживал страх быть пойманным. В любом случае ему не суждено было уехать прочь или быть свободным, он точно это знал. Пусть даже ему всего тридцать восемь лет, но его тридцать восемь были куда ближе к старости, чем тридцать восемь лет у других людей. Он был слишком стар, чтобы сбегать куда-либо.

Он неизменно обрывал свои фантазии, когда чувствовал, что краснеет. Прилив стыда напоминал ему о том, что он переступил границы, — а так всегда случалось, когда он ловил себя на том, что принимает участие в каком-то тупом представлении или даже действительно говорит вслух нечто вроде: «Это был депозитный счет, завтра утром я пришлю вам погашение на сумму пять тысяч девятьсот фунтов». В этот миг он останавливался и думал, до чего же довел сам себя и почему из-за такой совершенно абсурдной прихоти нарушает одно из священных правил банка. Вообще-то он не мог открыть сейф в одиночку: он не должен

был знать комбинацию цифр, известную Джойс, а она не должна была знать ту, что передали ему. Он очень часто ощущал себя виноватым в присутствии Джойс, поскольку она-то была честна, как святая. Она сообщила ему комбинацию Б (согласно должностным обязанностям, он знал комбинацию А) после того, как он многоречиво и правдоподобно объяснил ей, что данное правило создано ради того, чтобы его нарушать, и что все без колебаний преступают этот смехотворный запрет.

Он услышал, как она возвращается с обеда, и сложил деньги в ящик стола. Джойс не полезет в сейф, поскольку у нее в кассе и так лежит пять сотен фунтов, а во второй половине дня в среду в отделение банка «Энглиан-Виктория» в Чилдоне клиенты почти не заглядывают. Все двенадцать магазинов закрывались в час дня и открывались только в половине десятого утра.

Джойс называла его «мистер Грумбридж», а не «Алан». Так она поступала потому, что ей было двадцать лет, а ему — тридцать восемь. Такое обращение должно было вовсе не выразить уважение — поскольку Джойс до такого никогда не снизошла бы, — а подчеркнуть огромную пропасть времени, разделяющую их. Она была одной из тех, кто видит высокое достижение в том, чтобы быть молодым, как будто молодость — это хорошая работа, на которую они устроились благодаря своей предприимчивости. Но она была добра к тем, кто старше ее, или, по крайней мере, относилась к ним терпимо.

— На улице так хорошо, мистер Грумбридж, как будто уже весна.

— Уже и так весна, — ответил Алан.

— Вы понимаете, что я имею в виду. — Джойс всегда парировала этой фразой попытки указать ей на то, что она говорит штампами. — Сделать вам кофе?

— Нет, спасибо, Джойс. Лучше открой двери. Уже два часа.

Отделение закрывалось на обед. При таком количестве клиентуры держать его постоянно открытым было неоправданно. Джойс отперла тяжелую дубовую внешнюю дверь и стеклянную внутреннюю и перевернула табличку, гласившую «Касса закрыта», на другую сторону, где было написано «Мисс Дж. М. Калвер», после чего вернулась в кабинет к Алану. Оттуда при открытой двери было видно, не вошел ли кто в банк. У Джойс были очень длинные ноги и очень пышный бюст, но в остальном внешность ее была ничем не примечательна. Она примостилась на краешке стола Алана и начала рассказывать, как обедала со своим парнем в «Гербе Чилдона» и что сказал ее парень, и о том, что им не хватает денег, чтобы пожениться.

— Нам придется жить у мамы, а это неправильно — две хозяйки на одной кухне, верно? Они привыкли жить не так, как живем мы, от разрыва поколений никуда не денешься. Сколько лет вам было, когда вы женились, мистер Грумбридж?

Он хотел бы сказать «двадцать два» или даже «двадцать четыре», но не мог, поскольку она была в курсе, что Кристофер уже совсем взрослый. И, видит бог, Алан не хотел выставлять себя старше, чем есть. Он ответил правдиво, сам стыдясь этой правды:

— Восемнадцать.

— Я считаю, что для мужчины это слишком юный возраст. Девушка — одно дело, но мужчина должен быть старше. В браке приходится сталкиваться с разного рода ответственностью. В восемнадцать лет мужчина для такого еще недостаточно повзрослел.

— Большинство мужчин никогда не взрослеет.

— Вы понимаете, что я имею в виду, — отозвалась Джойс.

Внешняя дверь отворилась, и девушка оставила Алана наедине с мыслями и с письмом от миссис Марджори Перкинс, которая запрашивала о переводе ста фунтов с ее депозитного счета на текущий.

Джойс знала по имени всех клиентов, которых обслуживало их отделение. Она мило поболтала с мистером Батлером, а потом с миссис Сарридж. Алан открыл ящик стола и уставился на три тысячи фунтов. Он легко мог бы прожить год на эти деньги. У него могла бы быть своя комната, он мог бы заводить собственных друзей, покупать книги и аудиозаписи, ходить в театры и есть то, что ему нравится, и не спать всю ночь, если захочется. В течение года. А потом? Когда он услышал, как Джойс разговаривает с мистером Уолфордом, чилдонским мясником, об инфляции и о том, что следует видеть разницу между тем, что есть сейчас, и тем, что было во времена его молодости — мистеру Уолфорду было лет тридцать пять, — Алан отнес деньги в комнатку между своим кабинетом и задней дверью. Сейф помещался в этой комнатке. Обе комбинации — та, что Алан должен был знать, и та, которой он знать был не должен, — хранились у него в памяти. Он покрутил цифровые замки, дверца отворилась, и Алан положил деньги к остальным трем

тысячам фунтов. Прочие банкноты, находившиеся в отделении, сейчас лежали в кассах.

Как обычно, на него нахлынуло ощущение потери. Конечно, он не мог владеть этими деньгами, они не принадлежали ему, но он чувствовал себя ограбленным, когда выпускал их из рук. Он был словно любовник, которого покинула девушка, уйдя из его объятий в свою постель.

Позвонила Пэм. Она всегда звонила примерно в этот час, чтобы узнать, когда Алан будет дома — хотя он неизменно возвращался с работы в одно и то же время, — и попросить купить продуктов или забрать Джиллиан из школы. Джойс считала, что это мило — когда жена звонит мужу каждый день «после стольких лет вместе».

В банк вошло еще несколько человек. Алан вышел из кабинета и перевернул табличку над второй кассой, так что теперь она гласила «Мистер А. Дж. Грумбридж». Он принял чек у кого-то смутно знакомого — судя по подписи на чеке, клиента звали П. Ричардсон.

— Какими банкнотами вы желаете получить деньги?

— Пять зеленых и три портрета герцога Веллингтона¹, — ответил остряк П. Ричардсон.

Алан улыбнулся, поскольку этого от него ждали, хотя ему хотелось стукнуть клиента по голове машинкой для подсчета купюр. Теперь он припомнил, что в

---

¹ То есть пять купюр по 1 фунту стерлингов и три по 5 фунтов стерлингов. — *Здесь и далее прим. пер.*

прошлый раз в ответ на этот вопрос П. Ричардсон попросил немецкие марки.

Хватит на сегодня торговцев. Они все сдали свою выручку и отправились по домам. Джойс заперла двери в половине четвертого, и они вдвоем подвели дневной баланс и вернули деньги из касс обратно в сейф, а также проделали все прочие мелкие рутинные операции, необходимые для поддержания чести и репутации едва ли не самого маленького отделения банка «Энглиан-Виктория» на всех Британских островах. Утром, приходя на работу, Джойс и Алан вешали верхнюю одежду в стенной шкаф в его кабинете. После того как оба надели пальто, Джойс подкрасила ресницы — единственный макияж, который она наносила.

— День становится длиннее, — заметила Джойс.

Алан парковал свою машину в некоем подобии внутреннего дворика на задворках банка. Дворик был огорожен характерными для Саффолка стенами из дикого камня. Это было красивое местечко — зимний жасмин уже сиял желтыми цветочками поверх стен. Банк тоже был красив — он размещался в аккуратном доме тюдоровских времен, выстроенном в форме буквы L. Машина Алана особо красивой не была — это был «Моррис 1100» 1969 года, с отломанным боковым зеркалом, и на замену этого зеркала у владельца вечно не хватало средств. Он жил в трех милях от банка в жилом массиве, возведенном десять лет назад, и дорога домой по сельским дорогам занимала всего несколько минут.

Поселок именовался Наделом Фиттона, в честь мученика, которого сожгли при королеве Марии Кро-

вавой¹ в 1555 году на этом месте. Если бы преподобный Томас Фиттон принадлежал к католичеству, он был бы возведен в ранг святых, но, будучи упорным протестантом, он удостоился лишь того, что в его честь назвали полсотни краснокирпичных коробок. Дома на всех четырех улицах, составляющих жилой массив (Дорога Тюдоров, Лужайка Мученика, Тупик Фиттона и — у застройщика иссякло вдохновение — Вершина Холма), были крыты черепицей, большие оконные проемы не отличались художественным оформлением, а каминны были сделаны скорее для красоты, чем для отопления. Все жители поселка покупали деревья и кустарники для своих участков в одном и том же, весьма консервативном, садоводческом центре в Стэнтвиче и обменивались привоями и саженцами, так что у всех росли кипарисы Лоусона, золотой раakitник и вишня мелкопильчатая, а большинство людей сажали большими купами пампасную траву². Это придавало поселку до странного однородный вид, и поскольку участки не были ограждены, складывалось впечатление, что это не частные дома, а жилища прислуги в некоем весьма обширном поместье.

Алан купил свой дом в конце не особо холмистой, вопреки названию, улицы Вершина Холма. Кредит на эту покупку ему выдал банк, выплаты по займу были

---

¹ Имеется в виду Мария I Тюдор (1516–1558), первая коронованная королева Англии (с 1553); также известна как Мария Кровавая (или Кровавая Мэри), Мария Католичка.

² Вид злаков родом из Южной Америки. Цветет высокими белыми метелками, поэтому часто используется как декоративное растение.

низкими и фиксированными. Если хорошенько подумать обо всем, что происходило в его жизни, то это одна из немногих вещей, за которые он, по идее, должен был быть признателен: он выплачивал по кредиту два с половиной процента, а не одиннадцать, как другие.

Машину приходилось оставлять на подъездной дорожке, поскольку гараж, встроенный в дом согласно архитектурскому плану и занимавший половину цокольного этажа, был переделан в комнату, где проживал отец Пэм. Когда Алан подъехал к дому, Пэм вышла, чтобы забрать покупки. Она была симпатичной женщиной тридцати семи лет, работала в жизни всего один год и с самого рождения жила в сельской местности. На ее губах лежал толстый слой помады, а на веках — такой же слой серебристо-синих теней. Каждые пару часов она уединялась, чтобы нанести свежую помаду, поскольку во времена ее юности бытовала мода на неизменно блестящие розовые губки. На полочке в кухне Пэм хранила ручное зеркальце, помаду, коробочку компакт-пудры и баночку теней для век. Волосы она завивала химической завивкой и носила юбки, доходящие точно до колен, обручальное кольцо надевала вместе с венчальным и обычно носила браслет с подвесками. Выглядела Пэм лет на сорок пять.

Она спросила Алана, хорошо ли он провел день, и он ответил, что хорошо, а она? Та сказала, что все в порядке, и заговорила об ужасно высоких ценах на все, доставая из пакетов кукурузные хлопья и банки консервированного супа. Пэм всегда говорила о высоких ценах примерно в течение четверти часа после возвра-